

ВЛАДИСЛАВ ОТРОШЕНКО

ОТРЫВОК ИЗ НОВОГО РОМАНА

ГЛАВА 2. ПУТЫ

Космонавтом Найдёничик стал в то время, когда ракет было мало. Одна — деревянная, одна — железная и две — из дикого степного камня. Где они находились и с какой вдохновенностью их строила Курочка, чтобы выказать преданность космосу, который она любила всем сердцем, Найдёничик еще не знал.

Он тогда облетал звезду в первый раз, притянутый к планете неистощимой силой, и на этом витке ни директрисы Курочки З. Т., ни её ракет, на которых читались с большого расстояния имена первообразных кораблей, возносившихся за пределы зримых небес, еще не было в космосе Найдёничика.

Не было строгих приказов лейтенанта войск связи Марины Грековой. Не было Цезаря. Не было школы.

Был только огромный и сумрачный дом бабки Евы Найдёновой, урожденной Миллер. И были в нем голоса.

Они звучали то совсем рядом, то приносились откуда-то из непроглядных пространств, из которых ночами на сонный крик Найдёничика иногда выкатывалась на кресле-коляске, быстро вращая руками бесшумные колеса, старшая сестра деда Прошки Африча, сухоногая Снежана, и куда уходил бродить от пьяной обиды сам дед Прошка, когда бабка Ева вдруг становилась злой, вспомнив, каким красивым, гордым и умным был её первый муж, родной дед Найдёничика, Александр, и какой безмозглый дурак, какой малахольный пьяница сменил покойника в этом доме, свалившись однажды со всей своей блядской семейкой, с бесчисленными уродами и инвалидами на её, тогда еще юную, голову.

— Вы посмотрите, святые угодники, на этого ехидного идиота! — грозно кричала бабка Ева в то далекое, неведомое Найдёничiku пространство, где дед Прошка бесцельно катал туда-сюда Снежану, сбивая коляской стулья и этажерки. — Посмотрите! Ему тоже есть чем гордиться! Своими залитыми глазами, да тем что он пять минут... *в четырнадцатом годе, мамочка*, — изображала Ева пьяный голос Прошки, — разговаривал по телефону с сербским королем!.. С таким же полоумным чурбаном, как сам!

— Курва! Курва! — возражал дед Прошка, если глаза его оказывались не так уж и сильно залитыми, как чудилось Еве. Тогда он объявлял ей из гулких залов — не пьяным, а тем особенным голосом, в котором звучали ноты еще не утраченной, но уже пошатнувшейся трезвости, — что он никому не позволит называть полоумным чурбаном короля Петра Первого Карагеоргиевича, которому он служил, которого он любил и для которого летал по небу на «Ньюпорах» и «Моранах», как настоящий чёрт!

Но чаще всего случалось, что никаких возражений не слышалось с той половины дома, где обитали Афричи. Оттуда доносился только раскатистый грохот, сопровождавшийся разнообразными звуками — скрежетом, звоном, шипением. Оттуда дотягивались до кровати Найдёничика искривленные тени и долетали порывы ветра, завывавшего на невидимых просторах.

Найдёничика не пугали ни тени, ни грохот, ни далёкий вой ветра, ни злые речи, уносившиеся в незнакомые пределы и будившие там летучее эхо. То было время,

когда он не знал никаких других звуков, кроме тех, которые наполняли дом бабки Евы. Как бы они ни звучали — отрывисто или протяжно, пронзительно или глухо, — звуки были для него одинаково новыми и бессмысленными, а подвижные тени, какие бы формы они ни принимали, то распластываясь по стенам, то загибаясь на потолок, представлялись ему не более безобразными, чем предметы, охваченные неистощимым оцепенением.

Среди звуков, теней и предметов Найдёнчику еще не всегда удавалось заметить того, кто их видит и слышит. Он ещё не всегда ощущал, что видение и слышание принадлежат ему, его полусонному существу, медленно привыкавшему к жизни в минуты нечаянного бодрствования. Видение и слышание были повсюду — в складках дырявого пледа, свисавшего на пол с кресла-качалки, в резных виноградных листьях, покрывавших громадное брюхо комода, в скоплении разноцветных точек на ткани бескрайнего гобелена, раскинувшегося по стене, возле которой стояла кровать Найдёнчика. Видели и слышали гнутые стулья, пузатые ромбы на стеганой спинке кожаного дивана и лоснящийся ворс ковровой дорожки, терявшейся в мглистом воздухе за широкой аркой, где начинались владения Афричей.

Всё это было явью, прочной и чужеродной, не нуждавшейся ни в глазах, ни в ушах Найдёнчика, — не нуждавшейся в самом его существовании, которое было чем-то таким, что только с недавних пор приобрело устойчивость, отделившись от слитного, расплывчатого мира, в котором Найдёнок сначала различал лишь свои собственные пухлые руки, удивлявшие его тем, что они соглашались шевелиться в воздухе по его желанию, да чьи-то огромные лица, то и дело ласково проступавшие из светящегося серого сумрака.

Позднее, когда явь всё чаще и чаще стала вторгаться в бесчувственный сон Найдёнка, служивший ему заменой утраченного небытия, когда необозримое пространство комнаты, таившее в себе множество неясных образов, стало всё дольше и дольше удерживаться перед его глазами, он научился угадывать эти лица, разнообразно улыбающиеся над его кроватью. Найдёнок и сам теперь улыбался оттого, что ему удавалось отличить лицо бабки Евы, овальное, гладкое, с короткими светлыми бровями, от смуглого и костистого лица деда Прошки Африча, которое резко сужалось ниже широкого лба, нависавшего над тесными глазницами. Точно такими же — узкими ниже лба — были лица всех Афричей, но Найдёнок и их уже отличал друг от друга. Уже не одной лишь Снежане он показывал тонкие заострённые дёсны, встречая её дружелюбной улыбкой. Узнавал он уже и Людмилу, младшую сестру деда Прошки, которая вместе с порывами ветра, приносившими из комнат Афричей, клочья бумаги и пыль, иногда врывалась на Найдёновскую половину дома, извиваясь всем своим тощим и непослушным телом, измученным пляской святого Витта. Узнавал родительницу Афричей горбатую Загорку, которая время от времени, точно паук из укрытия, выбегала из тёмного арочного проёма, двигая за поясницей острыми локтями.

И всё же это счастливое узнавание было зыбким и скоротечным. Оно не могло убедить Найдёнка в надёжной неистощимости мира. Слишком робко и беспорядочно озаряло оно его новорождённый ум, чтобы Найдёнок мог ясно ощутить непрерывность своего существования. Мир поминутно ускользал из его сознания, оставляя в нём лишь случайные осколки, слепо захваченные в плен беспомощной памятью, которая чудом пронесла сквозь бодрствование и сон то крыло фаянсового орла, то лапу бронзовой люстры, то смуглые уши Загорки, подпираемые ключицами.

Жизнь его состояла из собрания обособленных мгновений, каждое из которых словно впервые извлекало Найдёничка из небытия, ничего не сообщая ему о событиях предшествующих и последующих. Мгновения эти вспыхивали и угасали в неистребимой пустоте, и память Найдёничка была не в силах соединить их в слитную длительность.

Не ведая о том, что таилось за пределами настоящего, он вдруг обнаруживал себя на руках бабки Евы, в тени её неоглядного подбородка, который затмевал электрический свет, лившийся с потолка. Он видел рубин, качавшийся в воздухе ниже мясистого уха Евы. Чувствовал, как Ева поворачивает из стороны в сторону своё тёплое и громадное туловище. Вместе с ним поворачивался потолок, показывая Найдёничку то один, то другой угол. Найдёничку хотелось смотреть на выпуклую полоску, тянущуюся из угла в угол по краю потолка; ему хотелось видеть эту полоску долго и ясно, потому что он нечаянно различил, что она состоит из кругов и квадратов. За квадратом следовал круг, за кругом — квадрат. Найдёничка радовал этот порядок. Но полоска то и дело пропадала. Полоску пугала песня, которую пела Ева:

У Загорки, у Загорки
На спине большая горка,
А с той горки едет кот,
Баю-баюшки-баю...
На салазках едет кот,
Колотушку он вёзет.
Баю-баюшки-баю...

От звуков песни потолок превращался в серый искрящийся шар, который накатывался на Найдёничка, давил его своей мягкой и одновременно колючей поверхностью, вбирал в себя и разлетался, не оставляя в тёмном вместительном пространстве ничего, что могло бы ощутить переход к другому мгновению — к другому настоящему, где Найдёничка видел телефон.

Чёрный, угловатый, с вогнутыми боками, телефон находился очень близко. Найдёничка старался дотянуться до него руками, чтобы столкнуть с его макушки массивную трубку. Но чьи-то твёрдые пальцы, сомкнувшиеся у него на груди, удерживали его; чьи-то жёсткие колени шевелились под ним — переваливали его с боку на бок, мешая сделать точные движения. Найдёничка запрокидывал лицо, чтоб распознать того, кому принадлежат колени и пальцы, и в ту же секунду раздавался громкий звонок. За ним второй, третий. Найдёничка замечал, что к телефону тянется рука бабки Евы. Но другая рука — та, что удерживала Найдёничка, вдруг отделяла от телефона трубку и быстро уносила её вверх. Найдёничка видел провод, качавшийся перед его глазами, и слышал голос над головой:

— Здесь Прохор Африч, ваше величество! Капитан Прохор Африч! Воздушная разведка!

— Воздушная сволочь! — успевал ещё услышать Найдёничка, прежде чем события яви переставали оказывать на него оживляющее воздействие. Он больше не участвовал в них ни зрением, ни слухом, ни движениями воли, потому что всматривался в раздробленное сияние за стеклянной дверцей посудной горки. Туда и перемещалось, слившись с бесцельным взглядом, всё его существо. Там оно и рассеивалось — исчезало вместе с самим сиянием до зарождения нового космоса, в котором не было ни телефона, ни Евы, ни Прошки, а была улыбающаяся голова. Она вдруг нависала над Найдёничком, лежавшим в кровати, приближалась к нему,

заслоня всё видимое пространство. Потом принималась раскачиваться из стороны в сторону, издавая звуки.

— Те-те-те, — говорила голова. — Те-те-те. А вот я тебя в степь унесу.

А вслед за этим он оказывался в таком настоящем, в котором его хотел напугать охотник в зелёной шляпе с пером. Найдёничик сидел на полу. Охотник ходил вокруг с ружьём за спиной. Он широко раскидывал руки, будто старался поймать его, топал ногами, мотал головой. Но это была та самая голова, что обещала унести его в степь, и Найдёничик радостно ждал, когда она улыбнется, чтоб улыбнуться в ответ.

Эта же голова — чернокудрая голова родителя — следила за ним, выглядывая из-за шкафа, когда однажды в утренний час Найдёничик, продвигаясь на четвереньках к кожаному дивану, вдруг ухватился за стул, стоявший на пути, поднялся на ноги и, отпустив случайную опору, сделал несколько коротких, неуклюже быстрых шагов по лоснящемуся паркету.

— Режь ему путы, — услышал он шепот головы. И в то же мгновение увидел деда Николая Миллера, брата Еваы, сидевшего на диване, — узнал его по косому чубу, по длинной шее, по золотым очкам, рассыпавшим вокруг его глаз змеистые искры. В руках он держал раскрытую книгу, но не смотрел в неё, — он тоже следил за Найдёничиком.

Пока космонавт раскачивался из стороны в сторону, сопротивляясь неотступной силе, что тянула его туловище к полу, дед Николай Миллер подкрался к нему на цыпочках, быстро провел в воздухе между его ног костяным ножом для бумаги и громко произнёс:

— Los geht's!.. Поехали!..